

ГНЕЙ ПОМПЕЙ И ЕГО ПРОЗВИЩЕ, ИЛИ КАК СТАНОВЯТСЯ «ВЕЛИКИМ»

Е.В. Смыков[†]

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

Смыков Евгений Владимирович, к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира, smykov61@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2475-2138>.

Аннотация: в статье рассматривается происхождение когномена Помпея «Магн», Великий. Вопреки распространенному мнению, он не является отсылкой к образу Александра Великого. Об этом не говорит ни один античный автор, а все аргументы являются конструкциями современных исследователей. Скорее, это имя выражало искреннее восхищение воинов достижениями своего молодого полководца. Однако одновременно с этим прозвище было подхвачено льстецами из свиты Помпея, которые умело играли на его чрезмерном честолюбии, с молодости являвшемся слабой стороной Помпея. Именно они могли проводить аналогию с Александром, лестную для самолюбия Помпея, но вряд ли имевшую какое-либо значение кроме этого. Не стоит игнорировать то, что прозвище могло употребляться с иронией. Возможно, именно это обстоятельство привело к тому, что Помпей не спешил присоединить когномен «Магн» к своему имени. В общем и целом, материал подтверждает, что официальное принятие этого прозвища происходит после кампании Помпея в Испании (или, возможно, на ее последнем этапе), однако и теперь оно, судя по всему, употребляется достаточно осторожно и без каких-либо аллюзий. Отсутствие даже намеков на него у Цицерона, в речи, где такое напоминание было бы более чем уместно, весьма показательно. И лишь после восточной кампании величие Помпея стало настолько неоспоримым, что его вынуждены были признать все, нравилось ли им это или нет, а сам Помпей, *princeps orbis terrarum*, как он заявлял, превзошел достижения Александра, так что прозвище его напоминало не о величии чужеземного царя, а о его собственных славных деяниях.

Ключевые слова: Гней Помпей Великий, Александр Великий, Африка, Испания, восточная кампания Помпея, прозвище, подражание, триумф, надписи.

Для цитирования: Смыков Е.В. Гней Помпей и его прозвище, или Как становятся «Великим» // Античный мир и археология. 2025. Вып. 22. С. 83–100. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2025-22-83-100>.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

GNAEUS POMPEIUS AND HIS NICKNAME, OR HOW TO BECOME “GREAT”

E.V. Smykov[†]

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russia.

Smykov Evgeniy Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, department of Ancient History, smykov61@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2475-2138>.

Abstract: the article discusses the origins of the cognomen Pompeius Magnus, “the Great”. Contrary to popular belief, it is not a reference to the image of Alexander the Great. No ancient author speaks about this, and all arguments are constructions of modern researchers. Rather, this name expressed the sincere admiration of the soldiers for the achievements of their young commander. However, at the same time, the nickname was picked up by flatterers from Pompey's retinue, who skillfully played on his excessive ambition, which from his youth was Pompey's weak side. It was they who could draw an analogy with Alexander, flattering for Pompey's vanity, but hardly had any meaning other than that. Do not ignore the fact that the nickname could be used with irony. Perhaps this circumstance led to the fact that Pompey was in no hurry to add the cognomen “Magnus” to his name. In general, the material confirms that the official adoption of this nickname occurs after the campaign of Pompey in Spain (or, perhaps, at its last stage), however, now it seems to be used quite carefully and without any allusions. The absence of even hints of him from Cicero, in speeches where such a reminder would be more than appropriate, is very significant. And only after the Eastern campaign, the greatness of Pompey became so undeniable that everyone had to admit it, whether they liked it or not, and Pompey himself, *princeps orbis terrarum*, as he stated surpassed Alexander's achievements, so that his nickname resembled not the greatness of an alien king, but his own glorious deeds.

Keywords: Gnaeus Pompeius Magnus (“the Great”), Alexander the Great, Africa, Spain, Pompey's eastern campaign, nickname, imitatio, triumph, inscriptions.

For citation: Smykov E.V. Gnaeus Pompeius and his nickname, or how to become “Great” // Ancient World and Archaeology. 2025. No. 22. Pp. 83–100 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2025-22-83-100>.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Обычно принимается за истину, что свое знаменитое прозвище Помпей получил от солдат после победы над Карбоном в Африке, затем его подтвердил Сулла (или же он сразу получил его от Суллы)¹. Исходя из того, что прозвище «Великий» у римлян к этому времени было широко известно как эпитет Александра, Д. Михель считает возможным говорить о том, что применительно к Помпею оно явно содержало намек на македонского завоевателя².

Однако все не так просто. Реконструкция событий, на которую опирается Д. Михель, основана на подробном рассказе Плутарха в

¹ См., например: Van Ooteghem 1954: 65-66; Christ 1979: 224; Greenhalgh 1980: 27; Dahlheim 2000: 233; Seager 2002: 28; Southern 2002: 36.

² Michel 1967: 38. Сразу же хочется отметить, что широкая известность этого прозвища в Риме времени Помпея отнюдь не является безусловным фактом. Мы знаем, что оно было и что его ввели в обиход именно римляне – но у нас нет данных о степени его распространенности. Если исходить из дошедших до нас текстов I в. до н.э., то в них оно употребляется не слишком активно.

биографии Помпея³. Но Плутарх еще несколько раз упоминает о том, как Помпей получил свое прозвище, причем дважды он приписывает инициативу в этом Сулле (Sert. 18.3; Mor. 203 E), а один раз говорится о том, что Помпея так прозвали сограждане: Ἡνία δὲ Πομπήιος αὐτόν, εὐήμερόν ἐν ἡγεμονίαις, καὶ πρὶν ἢ βουλῆς μεταλαβεῖν θριαμβεύων, καὶ Μᾶγνος, ὅπερ ἐστὶ μέγας, ὑπὸ τῶν πολιτῶν ἀναγορευθεὶς (Crass. 7.1). Получение Помпеем этого прозвища от солдат не упоминает больше ни один автор, как, впрочем, и роль Суллы. Аппиан, говоря о том, как Помпей встал на сторону Суллы, мельком замечает: «вслед за Метеллом явился к Сулле Гней Помпей, вскоре получивший прозвище Великого» (App. BC. I.80.366). Он не конкретизирует, что значит «вскоре», но в другом месте, говоря о гибели Помпея, пишет: «таков был конец Помпея, завершившего великие войны и принесшего великую пользу римскому народу, за что он и был назван “Великим”» (BC. II.86.363. Пер. М.С. Альтмана). В «Митридатике» же он связывает это прозвище с полномочиями, полученными Помпеем для войны с Митридатом (Mithr. 97.448). Наконец, в Периохах труда Тита Ливия этим именем народ единогласно приветствует Помпея в связи с его триумфом (Per. 103: *Pompeius de liberis Mithridatis et Tigrane, Tigranis filio, triumphavit Magnusque a tota contione consalutatus est*).

Приведенный материал, как мне кажется, свидетельствует о том, что античные авторы и сами не знали, когда именно и как Помпей стал «Великим». Однако стоит отметить, что ни один из них не упоминает в связи с появлением прозвища имени Александра, что и не удивительно: ни воины, большая часть которых, почти наверняка, имела о великом македонянине очень смутное представление, если имела вообще, ни Сулла, хотя бы в силу своего первенствующего положения, не могли иметь в виду подобной ассоциации. Таким образом, это утверждение связано не столько с античной традицией, сколько с набором устоявшихся стереотипов у современных исследователей. Лишь немногие из них пытаются обосновать это утверждение чем-то кроме сходства прозвищ, поэтому есть смысл для начала обратиться к их аргументации. По мнению Д. Михель, в поддержку подражания можно привести несколько аргументов.

Она указывает, что Саллюстий, современник Помпея, говорит, что он уже с ранней юности брал пример (*nachstrebte*) с Александра; по словам Плутарха, Помпея многие с ранних лет сравнивали с Александром и с самого начала давали ему это прозвище, которое ему нравилось, так что некоторые называли его так в насмешку (Plut. Pomp. 2.2); наконец, находясь в Нумидии, Помпей охотился на львов, может

³ Plut. Pomp. 13.4: Сулла «встретил Помпея далеко за городом, приветствовал его как нельзя более сердечно и не только сам громко назвал его “Магном”, но и всем присутствующим велел называть Помпея этим именем. Слово “Магн” означает “великий”. По сообщениям некоторых писателей, сначала это прозвище Помпеи получил от своего войска в Африке, но в полную силу оно вошло лишь после того, как Сулла его подтвердил».

быть, чтобы, уподобляясь молодому Александру, подчеркнуть свою непобедимость (ibid. 12.5)⁴.

Если мы обратимся к самим текстам, а не их пересказу, то обнаружим, что исследовательница, сознательно или нет, выпустила отдельные нюансы. Так, текст Саллюстия в полном виде выглядит следующим образом: «...Помпей, с ранней юности из-за речей льстецов считая себя похожим на царя Александра, состязался с ним в делах и решениях (*facta consultaque eius quidem aemulus erat*)» (*Pompeius a prima adulescentia sermone fautorum similem fore se credens Alexandro regi, facta consultaque eius quidem aemulus erat*: Sall. Hist. III.88 Maueg. = III.84 McGush.). Ключевое слово для понимания отношения к Александру здесь *aemulus erat*, которое Д. Михель понимает как *nachstrebte*; В.С. Соколов переводит это место на русский язык как «считая себя ... похожим на царя Александра»⁵; П. Макгашин дает английский вариант *believed that he would be the equal of king Alexander*⁶. Как мне кажется, все эти переводы теряют очень важный оттенок смысла, поскольку прилагательное *aemulus* имеет значение «стараящийся не уступать, соревнующийся, ревностно добивающийся превосходства»⁷. Таким образом, Помпей не просто пассивно «брал пример», «считал себя похожим» или «полагал, что он должен быть равным» – он, скорее, старался превзойти Александра.

Еще один важный момент: Саллюстий отмечает роль льстецов (*sermone fautorum*) в возникновении сопоставления Помпей-Александр; это можно соотнести с замечанием Плутарха, на которое, как и на слова Саллюстия, Д. Михель не обращает внимания, хотя и приводит, цитируя соответствующий пассаж Плутарха: «не столько было истинного сходства, сколько разговоров о нем (μᾶλλον λεγομένην ἢ φαινομένην ὁμοιότητα πρὸς τὰς Ἀλεξάνδρου τοῦ βασιλέως εἰκόνας)» (Plut. Pomp. 2.1). Итак, в источниках речь идет не о подражании как политическом феномене, а о лести окружающих, которую молодой полководец не отвергал. Еще один важный штрих – Помпея стали называть Александром в насмешку καὶ χλευάζοντας αὐτὸν ἐνίοις ἤδη καλεῖν Ἀλέξανδρον (ibid. 2.2), что тоже плохо вяжется с *imitatio* как осознанной политической линией.

Следующий аргумент связан с упоминанием охоты. Плутарх рассказывает: «он говорил, что даже звери, обитающие в Африке, должны узнать мощь и отвагу римлян, и поэтому несколько дней провел в охоте на львов и слонов» (Pomp. 12.8: τὰ θηρία δεῖν εἶφει τὰ τὴν Λιβύην κατοικοῦντα τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀπειρά ὀύμης καὶ τόλμης ἀπολείπειν. ὅθεν ἐν θήραις λεόντων καὶ ἐλεφάντων ἡμέρας διέτριψεν οὐ πολλάς). Привлечение

⁴ Michel 1967: 37.

⁵ Саллюстий Крисп 1950: 301.

⁶ McGushin 1994: 39.

⁷ Дворецкий 1976: 39, s.v.

этого эпизода выглядит вообще надуманным⁸. Прежде всего, охота не относилась к числу излюбленных развлечений римских аристократов, более того, бой с хищными зверями был уделом выступавших на арене бестиариев, что, несомненно, понижало престиж охотничьих подвигов. Кроме того, присмотримся к тому, что говорит Плутарх: в качестве объекта охоты он называет не только львов, но и слонов, которые вряд ли могли служить охотничьей добычей одного человека⁹. Наконец, Плутарх соотносит эту охоту не с личной доблестью Помпея, а с качествами римского народа, демонстрацией мощи и отваги римлян (Pomp. 12.7–8). Поэтому, как мне кажется, речь должна идти не о личных охотничьих подвигах Помпея, а об использовании им для охоты на этих сильных африканских зверей своих легионеров¹⁰.

Аргументом в пользу подражания Помпея Александру Д. Михель считает и его триумф, отпразднованный в необычно молодом возрасте, в частности – использование в процессии слонов, о котором рассказывает ряд античных авторов¹¹. Это, по ее мнению, ставит римского полководца в один ряд с Дионисом, на что указывал еще Плиний Старший (Plin. HN. VIII.2.4: *Romae iuncti primum subiere currum Pompei Magni Africano triumpho, quod prius India victa triumphante Libero patre memoratur. Procilius negat potuisse Pompei triumpho iunctos egredi porta*), а значит – и с Александром. С одной стороны, эта история, вроде бы, засвидетельствована довольно хорошо, и, при наличии желания и воображения, из нее можно сделать далеко идущие выводы¹². С другой стороны, есть все основания в ней усомниться.

Смущает, прежде всего, сам характер всей этой истории. До нас дошло описание многих римских триумфов, и все они производят впечатление строго ритуализированного действия; как кажется, никаких отступлений в традиционной процедуре не допускали даже самые экстравагантные личности, подобные Марку Антонию¹³. Здесь же

⁸ Более осторожно подходит к этому эпизоду Б. Росон, автор статьи о Помпее и Геркулесе. Он упоминает эту африканскую охоту (как и попытку использовать в триумфе слонов), но возможность ассоциации этих действий с образом Геркулеса оставляет под вопросом (Rawson 1970: 32).

⁹ Ср. описание охоты на слонов у Страбона (Strabo XV.704–705).

¹⁰ О. Вайперт полагает, что охота шла на животных, которые потом были использованы для триумфа, так что приведенный эпизод не имеет самостоятельного значения при рассмотрении подражания Помпея Александру и его божественным прототипам, Либеру и Гераклу (Weippert 1972: 71, Anm. 1). Однако Плутарх (loc. cit.) говорит, что слоны были захвачены у местных царей, что, как мне кажется, в любом случае вероятнее: если допустить, что попытка использовать их в триумфе все-таки была, то дикие животные вряд ли могли стать за это время настолько послушными, чтобы покорно дать впрячь себя в колесницу и следовать в процессии.

¹¹ Plut. Pomp. 14.4; Gran. Lic. XXXVI.3–4 Fl.; Plin. HN. VIII.2.4.

¹² См., например, относительно недавнюю статью: Mader 2006: 397–403.

¹³ Справедливости ради отметим, что упоминания слонов, запряженных в триумфальную колесницу, есть, но все они относятся к гораздо более позднему времени, и, самое главное, содержатся в источнике, достоверность которого на-

дело идет о нарушении одной из базовых основ триумфа. М. Бирд в своем капитальном исследовании выражает недоумение по поводу третьего триумфа Помпея – как плащ Александра совмещался с традиционной одеждой римского триумфатора, которая восходила еще к древним царям или даже культовому образу самого Юпитера¹⁴. Это не мешает ей, однако, через несколько страниц рассказывать историю со слонами¹⁵ – хотя нарушение в данном случае было гораздо серьезнее: процессия, посвященная Юпитеру, подменялась процессией в честь Диониса-Либеры. Если учесть, что Помпей, по всему, что мы о нем знаем, был честолюбив, но не экстравагантен; что уже одно то, что он получил триумф, не занимая до этого магистратур и в том возрасте, когда другие только начинали политическую карьеру; что, наконец, у него не было недостатка в недоброжелателях, готовых использовать любой его промах, – можем ли мы приписать ему такой вызывающий шаг?¹⁶ Безусловно, это можно объяснить, если заведомо принимать версию о подражании Александру и тем героям, с которыми он себя ассоциировал и т.п. Но если отказаться от этих априорных предположений, вся картина рушится.

Если обратиться к текстам, то картина получается следующая. По Плинию, свидетельство которого о слонах в триумфе Помпея является

ходится под большим сомнением – в биографиях Гордиана III и Александра Севера в сборнике SHA (Lamprg. Alex. Sev. 57.4; Capit. Gord. 27.9). Характерно, что в комментариях в издании русского перевода этого источника подчеркивается, что первый достоверный случай использования слонов относится к триумфу Диоклетиана (Lact. Mort. pers. 16.6) – но в RE, наоборот, предыдущие случаи приводятся как достоверные, а триумф Диоклетиана – всего лишь как возможный (Ehlers 1939: 504). Интересно, что О. Вайперт упоминает триумф Александра Севера как триумф еще одного подражателя Александра (Weippert 1972: 70, Anm. 3), хотя еще за десятилетие до этого Б. Нейдел убедительно показала, что это «подражание» является всего лишь литературным и пропагандистским приемом (Nadell 1959: 117 f.). См. также: Улямаев 2011: 160–167 (автор, независимо от Б. Нейдел, приходит к тем же самым выводам).

¹⁴ Beard 2007: 14.

¹⁵ Beard 2007: 17.

¹⁶ Г. Мэдер считает, что поведение Помпея в данном случае соответствует всему тому, что мы знаем о его характере (Mader 2006: 403). Однако поведение Помпея определялось все-таки двумя факторами: во-первых, он сделал необычную карьеру, гордился ею и не позволял покушаться на свои достижения; во-вторых, если никто не покушается на завоеванное им место, он готов был соблюдать принятые в его среде нормы поведения, и свято блюсти римские традиции, не позволяя себе ни малейшей «пощечины общественному вкусу». Как мне кажется, поведение, которое Г. Мэдер приписывает Помпею, довольно естественно для логики человека нашего времени, проникнутого индивидуализмом новоевропейской культуры, но вряд ли было бы приемлемым для римского общества с его жестким консерватизмом. «Возмутители спокойствия», подобные Клодию, появятся несколько позже, но, в силу своего демонстративного нежелания следовать в русле традиций, останутся в значительной степени маргинальными фигурами в римской политике.

наиболее ранним, «в Риме [слоны] были запряжены впервые, чтобы везти колесницу Помпея Великого во время африканского триумфа, как это рассказывают и о старинном триумфе Отца-Либеры после победы над Индией. Процилий утверждает, что во время триумфа Помпея упряжка не смогла пройти в ворота». Таким образом, сам Плиний, как будто, не сомневается в том, что слоны *были впряжены* в колесницу, но приводит и противоположное мнение Процилия. Согласно Плутарху, Помпей *собирался* въезжать в город на колеснице, запряженной слонами, но отказался от этой идеи, так как они не прошли бы в ворота. Наконец, Граний Лициниан говорит: «...Рассказывают, что в этот день римский народ видел в триумфе слонов. Но когда он вступал в город, триумфальные ворота были малы для четырех слонов, запряженных в колесницу, хотя и было предпринято две попытки» (Gran. Lic. XXXVI.3-4 Fl.). Таким образом, слоны мыслятся здесь не влекущими триумфальную колесницу (ведь если бы колесница триумфатора-Помпея не могла пройти через ворота, да еще неоднократно, это обязательно было бы отмечено другими авторами!), а просто запряженными в одну из колесниц, участвовавших в процессии.

Итак, общее для всех сообщений – это то, что колесница, запряженная слонами, не прошла в триумфальные ворота. Поэтому, как кажется, картина событий была такова: слоны участвовали в триумфальной процессии Помпея – что само по себе было немало, т.к. они не выставлялись в триумфах уже давно. При этом была сделана попытка запрячь их в одну из колесниц, участвовавших в процессии, однако она успехом не увенчалась. А вот история с попыткой запрячь слонов в триумфальную колесницу самого Помпея относится к области тех слухов, причем недоброжелательных, которыми триумф оброс в дальнейшем¹⁷. Соответственно, никакие спекуляции, основанные на этом материале, достоверными считаться не могут.

Следующий аргумент в построениях Д. Михель – денарий Фавста Корнелия Суллы (рис. 1)¹⁸. Имени Помпея на монете нет, она выпущен-

¹⁷ Позволю себе такую аналогию: в одном из поздних изданий «Воспоминаний и размышлений» Г.К. Жукова появилась история о том, что наш парад Великой Победы собирался принимать лично И.В. Сталин, но не смог этого сделать, т.к. конь его к себе не подпускал. История эта была подвергнута справедливой критике – не политической, а источниковедческой, ее вымышленность была убедительно доказана, но перед тем она достаточно широко разошлась по публицистической литературе определенного толка. Представим на минуту, что до нас дошла только эта история в нескольких пересказах – и никаких дополнительных прямых материалов для ее критики! Примерно в такой ситуации мы находимся, рассуждая о слонах в триумфе Помпея.

¹⁸ Я не рассматриваю здесь материалы об именовании Помпея Ктистом и Сотером в греческих надписях (Michel 1967: 48–50), поскольку убежден в необходимости рассматривать западные и восточные материалы как два отдельных комплекса. Почести, невозможные в самом Риме, римские полководцы на Востоке и в Греции получали еще со времен Т. Квинкция Фламинина (см. выше), так что в применении к Помпею стандартных для эллинистического мира царских титулов, как и в возможном соотношении их с Александром, нет ничего

на Фавстом Суллой как один из типов, которые он чеканил, вероятнее всего, в 56 г. до н.э.¹⁹ Однако реверс монеты – и здесь мнения исследователей единодушны – определенно указывает на Помпея: земной шар, справа, слева и внизу от которого находятся три венка, символизирующие три триумфа Помпея и его положение как завоевателя мира; венок большего размера, расположенный над земным шаром, – либо золотой венок (*corona aurea*), который был дарован Помпею в 63 г. до н.э. по предложению плебейских трибунов (Vell. II.40.4)²⁰, либо, как предположил К. Крафт, к мнению которого осторожно присоединяется Д. Михель, *corona civica*²¹; наконец, корма корабля (*aplustrium*) и зерновой колос указывают на те полномочия по хлебному снабжению Рима, которые Помпей получил в 57 г. до н.э.²²

Гораздо сложнее вопрос о смысле аверса этой монеты. Его изображение вполне ясно – голова, на которую накинута львиная шкура, может принадлежать только Геркулесу²³. Другое дело, что причины появления этого образа можно интерпретировать по-разному. Согласно Д. Михелю, во время третьего триумфа Помпей сравнивался не только с Александром, но и с Гераклом и Дионисом; сравнение с Ге-

удивительного. Но вряд ли в самом Риме это могло иметь какое-либо значение для политического имиджа Помпея.

¹⁹ Д. Михель датирует эти монеты ок. 56 г. до н.э., указывая, что Фавст был претором, а не одним из монетных триумвиров (Michel 1967: 51). Здесь содержатся сразу две ошибки: во-первых, он никогда не был претором и его *cursus honorum* не продвинулся дальше квестуры; во-вторых, квестором он был в 54 г. до н.э., как это надежно устанавливается по сообщению Аскония (Ascon. 20 Cl.; Münzer 1900: 1516; Broughton 1986: Vol. 2, 223; Vol. 3, 72). Что касается даты, то, несмотря на наличие других датировок (см.: Babelon 1885: 422; Grueber 1910: 489–490 (54 г. до н.э.); Sydenham 1952: 146 (62 г. до н.э.)), наиболее обоснованным кажется мнение М. Крофорда, который указывает, что, с одной стороны, в изображениях реверса содержится указание на события 57 г. до н.э., а с другой – вряд ли интервал между должностями монетного триумвира и квестора у Фавста был меньше двух лет (Crawford 1974: Vol. 1, 88, 449). К. Пере датирует выпуск 54/53 г. до н.э. (Pérez 1986: 202), однако это явная ошибка: письмо Цицерона к брату, на которое он ссылается и в котором говорится о назначении Помпею 40 млн. сестерциев на закупку хлеба (Q. fr. II.5.1), точно датируется 9 апреля 56 г. до н.э.

²⁰ Babelon 1885: 422–423; Grueber 1910: 490; Crawford 1974: 450; Pérez 1986: 202.

²¹ Michel 1967: 51–52 (со ссылками на работу Крафта и дополнительными аргументами в пользу его точки зрения).

²² Babelon 1885: 422; Grueber 1910: 489; Crawford 1974: 450; Michel 1967: 52. В связи с такой интерпретацией вполне обоснованным выглядит предположение, что монеты, выпущенные Фавстом Суллой *ex senatu consulto*, были чрезвычайным выпуском для финансирования деятельности Помпея в качестве *praefectus annonae* (Babelon 1885: 422; Grueber 1910: 489).

²³ Попытка А. Альфельди увидеть в этом изображении Ромула с волчьей шкурой на голове явно несостоятельна и справедливо характеризуется М. Крофордом как фантастическая (Crawford 1974: 449, note 2). См. развернутую критику гипотезы Альфельди: Michel 1967: 52–54.

раком можно истокать как указание на подражание Александру; так как Александр с молодости сравнивал себя с Гераклом, ему в этом следовал и Помпей; Помпей всегда интересовался Гераклом, и монета Фавста является отражением этого подражания Гераклу-Александру; таким образом, эта монета – косвенное, но современное свидетельство о подражании Помпея Александру²⁴. Легко заметить, что практически вся аргументация выводится из принятого за аксиому подражания Помпея Александру и соответствующей интерпретации его триумфа, т.е., в сущности, опирается только на слова Плиния Старшего с упоминанием в одном ряду Александра, Геркулеса и Отца Либеры (Plin. NH. VII.95).

Несомненным здесь остается только один пункт – особое отношение Помпея к Геркулесу. Однако стоит ли здесь усматривать какую-то связь с Александром? Прежде всего, следует отметить, что значение образа Геракла гораздо шире, чем просто образец для подражания, которому следовал Александр. А.А. Тахо-Годи определяет его как «общегреческого героя» и подчеркивает, что его подвиги уводят его все дальше и дальше от Греции, к окраинам мира, до самого дальнего запада²⁵; но именно это делает Геракла-Геркулеса-Мелькарта не просто общегреческим, но общесредиземноморским героем²⁶. Крайний Запад ойкумены играет значительную роль в истории его подвигов; его имя вписано в историю Карфагена, Иберии и Италии²⁷. Если говорить об Италии, то первые изображения Геркулеса на монетах появляются еще в III в. до н.э. (рис. 2–4)²⁸. Примерно с того же времени он начинает почитаться как божество, дающее победу, – Геркулес Победитель (*Victor*) или Непобедимый (*Invictus*)²⁹. Согласно Плинию Старшему, на Быгьем Форуме стояла древняя, воздвигнутая еще Эвандром, статуя Геркулеса Триумфального, которую во время триумфа облачали в триумфальные одеяния (NH. XXXIV.33); таким образом, Геркулес издавна имел отношение и к римскому триумфу³⁰. Поэтому считать, что отношение Помпея к Геркулесу имеет истоком подражание отношению Александра к Гераклу было бы слишком большой натяжкой. Гораздо важнее то, что на ранних этапах карьеры Помпей действовал именно в тех местах, которые были связаны с именем Геркулеса, – на

²⁴ Michel 1967: 54–55. Справедливости ради отметим, что автор, видимо, не вполне уверена в прочности этой аргументации, поэтому в заглавии соответствующего раздела стоит знак вопроса: *Der Faust-Denar als Denkmal der Alexander-Heracles Nachahmung des Pompeius?* (Michel 1967: 50).

²⁵ Тахо-Годи 1989: 237, 241.

²⁶ См. раздел о Мелькарте-Геркулесе в очень интересной работе Р. Майлза: Майлз 2014: 120–137.

²⁷ См. об этом фундаментальное исследование: Jourdain-Annequin 1989.

²⁸ Crawford 1974: 137, № 20 (дидрахма, 269–266 гг. до н.э.); 143, № 27.3–4 (двойная лира, 230–226 гг. до н.э.); 150, № 39.2 (квадранс, 217–215 гг. до н.э.) etc. О культе Геркулеса в Италии: Dumézil 1974: 420–425. Свод материалов о Геркулесе на монетах Римской республики см.: Плаксин 2012: 167–180.

²⁹ Latte 1960: 215–217.

³⁰ См.: Warren 1970: 55 (с указанием на литературу).

Сицилии, в Африке, в Иберии, одержав там блестящие победы³¹. Неудивительно, что победы эти полководец связал с популярным героем, почтение к которому как к дарителю победы он сохранял до конца своей деятельности³².

Таким образом, и денарий Фавста Суллы гораздо лучше вписывается в традиционные римские представления, чем в систему подражания македонскому завоевателю и не может служить даже косвенным свидетельством такого подражания. Факты очередной раз не желают укладываться в уготовленное им прокрустово ложе.

Итак, у нас нет ни одного свидетельства, которое недвусмысленно указывало бы, что прозвище Помпея с самого начала имело своим истоком аналогичное прозвище Александра. Оно было дано воинами, прославлявшими победу своего вождя и вовсе не думавшими о каком-то там чужеземном царе, а Сулла повторил его – может быть, иронически, может, как компенсацию за триумф, в котором он намеревался ему отказать. Возможно также, что диктатор хотел вбить клин между сделавшимся слишком строптивым Помпеем и другими своими видными сторонниками. Во всяком случае, никаких политических дивидендов это имя молодому полководцу не принесло³³.

³¹ Об отношении Помпея к Гераклу см.: Rawson 1970: 30–37. Несмотря на то, что общую концепцию этой статьи М. Крофорд характеризует как *no more than a string of hypotheses* (Crawford 1974: 451, note 1), в ней содержится исчерпывающий свод материалов со ссылками на литературу. Интересно, что изображение на монете Фавста Суллы Б. Росон связывает не с эллинистическим, а с восточным прототипом, считая, что это Геркулес в тирийской форме Мелькарта, изображение которого Фавст мог видеть на восточных монетах, находясь в армии Помпея во время его восточной кампании (Rawson 1970: 35).

³² Б. Росон считает, что после восточной кампании Помпея его интерес к Геркулесу уменьшается в связи с тем, что инициативу почитания перехватил у него Красс, и потому Помпей делает главной покровительницей своих побед Венеру, *Venus Victrix*, которой он в 55 г. до н.э. посвящает воздвигнутый им театр, причем посвящение это приходится на 12 августа, день, связанный с праздником, героем которого был *Hercules Invictus*, которому Помпей тоже посвятил храм (Rawson 1970: 36; о датировке храма Геркулеса – *ibid.* Note 46). Думается, что противопоставление это надуманное, и культ Венеры как покровительницы победы не заменял культ Геракла, а лишь дополнял его. Не лишне вспомнить, что Фавсту Сулле принадлежит еще один тип денария, чеканившийся одновременно с типом Геракла. На его аверсе было изображение Венеры, а на реверсе – трех трофеев (Crawford 1974: 449, № 426/3). Кроме того, именно словосочетание *Hercules Invictus* стало паролем, который Помпей дал своим войскам накануне битвы при Фарсале (App. BC. II.76.319); кстати говоря, Венера Победоносная «поддерживала» в этом сражении Цезаря и служила паролем для его легионов (*ibid.*).

³³ Стоит вспомнить известную шутку Красса, завидовавшего Помпею, по поводу его прозвища: «когда однажды кто-то сказал, что пришел Помпей Великий, Красс со смехом спросил, какой же он величины» (Plut. Crass. 7.1). Игра слов здесь основывается на том, что слово *magnus* имело значение не только «великий», но и «большой» в самом общем смысле, и именно так оно употреблялось до Помпея, обозначая, если можно так выразиться, физические па-

Может быть, именно поэтому сам Помпей не употреблял это почетное имя вплоть до завершения войны в Испании – на это, кстати, прямо указывает Плутарх: «Сам Помпей позже всех и лишь спустя долгий срок, уже посланный в качестве проконсула в Испанию против Сертория, начал в своих письмах и распоряжениях именовать себя Помпеем Магном: к тому времени это имя стало уже настолько привычным, что больше не вызывало зависти» (Plut. Pomp. 13.5). Это утверждение хорошо коррелирует с эпиграфическим материалом. Д. Михель самой ранней надписью с титулом *Magnus* считает надпись из Тарракона в Испании: [CN. PO]MPEI[O CN. F.] / [MA]GN. IM[P. ITER]³⁴. Надпись дошла лишь фрагментарно и восстанавливается по аналогии с сохранившейся надписью из Клузия, которая датируется временем между вторым и третьим триумфом Помпея, т.е 71–62 гг. до н.э.³⁵ Как и всякая реконструкция, это восстановление уязвимо для критики, предпринимались попытки передатировать надпись³⁶, но в контексте настоящей статьи это не важно, т.к. существует и более ранний случай употребления прозвища *Magnus*, не учтенный Д. Михель, надпись из Рима: [CN.] POMPEIO / MAGNO / [I]MPERATORI / [I]TALICEI QUI / AGRIGENTI / NEGOTI[ANTUR] (CIL I² 2710 = AE 1937 11 = ILLRP 380). На основании того, что Помпей имеет здесь только одну императорскую аккламацию, надпись можно датировать десятилетием 81–71 гг. до н.э., и именно она, насколько я знаю, является на сегодняшний день самым ранним документальным свидетельством о прозвище Помпея³⁷.

раметры человека. Но, как справедливо подчеркивает Д. Михель, именно с Помпея это прозвище приобретает новый смысл (Michel 1967: 36: *Pompeius ist ... der erste römische "Magnus"*).

³⁴ Michel 1967: 47. Об этой надписи см.: Valverde 2001: 10 f. (с указанием на посвященную этой надписи литературу в сноске 60).

³⁵ Д. Михель жестко датирует ее 71 г. до н.э. (Michel 1967: 47), но для этого нет никаких оснований. Поэтому в одной из своих более ранних статей я впал в противоположную крайность и слишком категорично – и, как оказалось, ошибочно! – утверждал, что все эпиграфические памятники датируются временем, начиная с конца 60-х гг. до н.э., более ранних памятников с этим титулом нет (Смыков 2012: 15).

³⁶ См. изложение аргументов: Valverde 2001: 10 f. Not. 60.

³⁷ Скорее всего, к этому же времени относится и ауреус Помпея с легендой MAGNUS на аверсе и с изображением Помпея на триумфальной колеснице. Датировка этой монеты различна – от предложенного еще Т. Моммзеном 81 г. до н.э. до посмертной чеканки, которую предполагал Г. Мэттингли (см. ссылки на литературу: Grueber 1910: 464–466, note 1; Crawford 1974: 83, note 4, 411–412). П. Грюбер и Э. Сайденхем датировали ее 61 г. до н.э. (Grueber 1910: 464; Sydenham 1952: 171, № 1028). По мнению М. Крофорда, наиболее вероятной датой является 71 г. до н.э., а символическое изображение провинции Африка на реверсе объяснимо, учитывая, что на тот момент это была самая выдающаяся победа Помпея, быстрая и решительная, в отличие от затяжной войны в Испании, где победа была достигнута только после

Немногочисленность свидетельств от раннего периода карьеры Помпея контрастирует с большим их числом, относящимся ко времени после восточных походов. С этого же времени когномен «Магн» в отношении Помпея появляется в переписке Цицерона, а также в его публичных выступлениях – в письме Помпею, датированном апрелем 62 г. до н.э. и в произнесенной в том же году речи за поэта Архия, где Помпей именуется «наш Великий»³⁸.

Итак, с концом восточной кампании Помпея связано окончательное и официальное принятие им когномена «Великий», как принято считать, теперь уже с явной отсылкой к образу Александра³⁹. На сопоставление с македонским завоевателем должно было навести зрителей и грандиозное пропагандистское шоу, отзвуки которого попали в сочинения античных авторов, – двухдневный триумф Помпея. Римская история знает триумфы, которые были не менее грандиозны, но один только триумф Помпея имел столь четко выраженный идеологический подтекст; если остальные триумфы были просто праздниками в честь победы, пусть даже замечательной, то триумф Помпея был торжеством во славу новоявленной Империи и ее создателя.

Античная традиция в лице Диодора Сицилийского, Плиния Старшего и Аппиана донесла до нас ряд любопытных текстов, связанных с триумфом Помпея. Аппиан наиболее сух – он просто сообщает текст надписи, пронесенной во время триумфа, в которой перечисляются грандиозные достижения Помпея: число захваченных кораблей, основанных городов, побежденных царей (App. Mithr. 117.576). Плиний передает текст надписи, посвященной Помпеем в храм Минервы вместе с дарами; в ней также содержатся точные данные о масштабах победы – «покорено, уничтожено или поработщено 12183000 человек, потоплено или захвачено 846 кораблей, обеспечена верность 1538 городов и крепостей», но при этом оцениваются и достижения в целом – покорены все земли между Азовским и Красным морями (Plin. NH. VII.97). Хотя проверку на правдивость это заявление вряд ли выдержало бы, его пропагандистское значение несомненно. Наиболее интересен для нас в связи с имперской идеологией в триумфе Помпея текст Диодора – кстати, и по времени самого близкого к этим событиям автора (Diod. XL.4). По его словам, этот текст является копией надписи, посвященной Помпеем в храм. В отличие от текста посвящения Минерве, приводимого Плинием, у Диодора Помпей именуется вместе с его когноменом: Πομπήϊος Γναίου υἱός Μέγας αὐτοκράτωρ. Далее

убийства Сертория Перперной и была связана с многочисленными жестокостями (Crawford 1974: 83, 412).

³⁸ Cic. Fam. V.7; Pro Arch. 24. Примечательно, что несколькими годами ранее, в речи «О законе Манилия», полной комплиментов Помпею, это прозвище Цицерон еще не употребляет.

³⁹ Так, Дж. Болсдон, основываясь на сообщении Аппиана и Кассия Диона (App. Mithr. 118.582, 588; Cass. Dio XXXVII.21.3) подчеркивает, что именно «александровские» завоевания Помпея на Востоке впервые сделали его когномен общепризнанным, уважаемым, почти официальным. См.: Balsdon 1950: 298 f.

перечисляются его заслуги, но, в отличие от первых двух текстов, вместо цифровых данных приводится перечень народов и царств, которые он или победил или, наоборот, которым он предоставил защиту. Размеры приведенной в подчинение территории описываются почти теми же словами, что и у Плиния – «все народы, живущие между Понтийским и Эритрийским морями». В итоге своих походов, по определению этой надписи, Помпей «приблизил границы империи к земным пределам» (τὰ ὅρια τῆς ἡγεμονίας τοῖς ὅροις τῆς γῆς προσβίβάσας). Несомненно, что это заявление о победе над народами ойкумены⁴⁰ содержит скрытую отсылку к победам Александра, тем более что сам Помпей во время триумфа был облачен в плащ Александра Великого, который оказался среди его добычи⁴¹.

Означает ли это, что он *подражал* Александру? Как мне кажется, нет. Скорее, поскольку Римская держава уже давно расценивалась выше державы Александра⁴², Помпей в данном случае стремился подчеркнуть свое превосходство над македонским прообразом⁴³. Если Александр Великий довольствовался ролью покорителя одной лишь Азии, то Помпей вполне сознательно стремился представить себя как покорителя целого мира и такое представление передать современникам и потомкам. Уже Цицерон неоднократно заявлял, что Помпей покорил весь земной круг – *orbis terrarum*⁴⁴. При этом особо подчеркивалось, что три его триумфа знаменовали собой победы над тремя частями света, и эта оценка затем прочно вошла в античную литературную традицию⁴⁵. Таким образом, Помпей ставился выше Александра,

⁴⁰ Ср.: Cass. Dio. XXXVII.21.2: «в торжественной процессии за ним следовали (ἔπεμψε) и другие трофеи, многие и прекрасно украшенные (τρόπαια δὲ ἄλλα τε πολλὰ καὶ καλῶς κεκοσμημένα), за каждое из его деяний, даже за наименьшее; и после их всех – еще один, великий, роскошно украшенный, имеющий надпись, что он – за [победу] над [народами всей] ойкумены (καθ' ἑκάστον τῶν ἔργων καὶ τὸ βραχύτατον ἔπεμψε, καὶ ἐπὶ πᾶσιν ἐν μέγα, πολυτελῶς τε κεκοσμημένον καὶ γραφὴν ἔχον ὅτι τῆς οἰκουμένης ἐστίν)».

⁴¹ App. Mithr. 117. 577. М. Гельцер высказал предположение, что, учитывая возросший в его время интерес к пифагорейству, Помпей мог думать о себе, как о воплощении Александра, и сознание этого было для него источником мистической силы (Gelzer 1984: 53 f., 109 f.). Источники, однако, это предположение не подтверждают. Ср.: Balsdon 1950: 299.

⁴² Эту мысль выражал еще Полибий в самом начале своего труда (Polyb. I.2.4–8).

⁴³ Кстати, можно ли расценить как знак почтения к Александру то, что Помпей надел его плащ, т.е., говоря современным языком, музейную реликвию? Не стоит ли этот поступок в одном ряду с более поздним поступком Октавиана, который прикоснулся к мумии Александра, так что у нее отломился кусочек носа (Cass. Dio. LI.16.4)? Чего в этом больше – почтения или просто демонстративного интереса к достопримечательности?

⁴⁴ См., например: Cic. Sest. 67; 129; Balb. 16; Prov. cons. 31. В речи «О своем доме» Цицерон прямо называет Помпея *princeps orbis terrae* (Dom. 110).

⁴⁵ Cic. Sest. 129: «тот муж, который отметил тремя триумфами присоединенные к этой империи побережья и области трех частей света» (*vir is qui*

наиболее громкую славу которого составляла победа над Азией. В этом триумфе, может быть, впервые в римской истории, была продемонстрирована идея, которая в дальнейшем приобретет для Рима особое значение – идея мирового господства Рима, который превзошел всех известных к тому времени завоевателей⁴⁶. Четкое понимание этого демонстрирует уже Плиний Старший: «Поистине, к гордости Римской империи, а не славе одного человека относится перечисление в этом месте списка побед и всех триумфов Помпея Великого, который блеском своих деяний равен не только Александру Великому, но, пожалуй, даже Геркулесу и Отцу Либеру!» (Plin. NH. VII.95). Я. Исагер странным образом усматривает в этих словах традицию о Помпее как новом Александре⁴⁷, однако совершенно очевидно, что римский полководец приравнивается здесь не к земному завоевателю, а непосредственно к богам; Александру в этой иерархии принадлежит последнее место, и Помпей превосходит его своими достижениями.

Итак, вряд ли есть основания говорить не только о том, что Помпей стал «Великим» в подражание Александру, но даже и о том, что полученное Помпеем прозвище с самого начала содержало какие-либо отсылки к образу Александра. Скорее, оно выражало искреннее восхищение воинов достижениями своего молодого полководца. Однако одновременно с этим произошло и то, о чем рассказывает Плутарх, – прозвище было подхвачено льстецами из свиты Помпея, которые умело играли на его чрезмерном честолюбии, которое с молодости было слабой стороной Помпея. При этом не стоит игнорировать и упоминание о том, что прозвище могло употребляться с иронией. Возможно, именно это обстоятельство привело к тому, что Помпей не спешил присоединить когномен «Магн» к своему имени. В общем и целом, материал подтверждает, что официальное принятие этого прозвища происходит после кампании Помпея в Испании (или, возможно, на ее последнем этапе), однако и теперь оно, судя по всему, употребляется достаточно осторожно и без-каких-либо аллюзий. Отсутствие даже намеков на него у Цицерона, в речи, где такое напоминание было бы более чем уместно, весьма показательны. И лишь после восточной кампании величие Помпея стало настолько неоспоримым, что его вы-

tripertitis orbis terrarum oras atque regiones tribus triumphis adiunctas huic imperio notavit; Balb. 16: «его три триумфа – свидетельство того, что наша империя овладела всем миром» (*tres triumphis testes essent totum orbem terrarum nostro imperio teneri*). Ср.: «первый раз он отметил триумф над Африкой, во второй – над Европой, в третий – над Азией, и сколько есть частей света, столько же он воздвиг памятников своих побед» (Vell. II.40.4: *primum ex Africa, iterum ex Europa, tertio ex Asia triumpharet et, quot partes terrarum orbis sunt, totidem faceret monumenta victoriae suae*); «что ни одному римлянину еще не выпадало на долю, это то, что свой третий триумф он праздновал за победу над третьей частью света, так что после трех его триумфов создавалось впечатление, будто он некоторым образом покорил весь обитаемый мир» (Plut. Pomp. 45.7. Пер. Г.А. Стратановского).

⁴⁶ О трофеях Помпея и концепции его триумфов см.: Picard 1957: 181–189.

⁴⁷ Isager 1993: 6.

нуждены были признать все, нравилось ли им это или нет, а сам Помпей, *princeps orbis terrarum*, превзошел достижения Александра, так что прозвище его напоминало не о величии чужеземного царя, а о его собственных славных деяниях.

Литература/References

- Саллюстий Крисп Гай*. 1950. Фрагменты «Историй» // ВДИ. Вып. 1 / В.С. Соколов (пер.). С. 271–316 [*Sallyustiy Krisp Gay*. 1950. Fragmenty “Istoriy” // Vestnik Drevney Istorii. Вып. 1 / V.S. Sokolov (per.). S. 271–316].
- Дворецкий И.Х.* 1976. Латинско-русский словарь. М. [*Dvoretzkiy I.Kh.* 1976. Latinsko-russkiy slovar’. Moskva].
- Майлз Р.* 2014. Карфаген должен быть разрушен. М. [*Maylz R.* 2014. Karfagen dolzhen byt’ razrushen. Moskva].
- Плаксин С.Г.* 2012. Боги и мифологические герои на монетах римской республики. Словарь. М. [*Plaksin S.G.* 2012. Bogi i mifologicheskiye geroi na monetakh rimskoy respubliki. Slovar’. Moskva].
- Смыков Е.В.* 2012. Imitatio Alexandri в республиканском Риме: исторический факт или историографический миф? // Александр Великий. Жизнь образа в мировой культуре Материалы конференции 18 апреля 2007 г. (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 63). СПб. [*Smykov E.V.* 2012. Imitatio Alexandri v respublikanskom Rime: istoricheskiy fakt ili istoriograficheskiy mif? // Aleksandr Velikiy. Zhizn’ obraza v mirovoy kul’ture Materialy konferentsii 18 aprelya 2007 g. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 63). Sankt-Peterburg].
- Тахо-Годи А.А.* 1989. Греческая мифология. М. [*Takho-Godi A.A.* 1989. Grecheskaya mifologiya. Moskva].
- Ульямаев Т.Р.* 2011. Александр Север и Александр Великий: литературная фикция и историческая реальность // Antiquitas Iuventae: Сб. науч. тр. студентов и аспирантов. Саратов. С. 160–167 [*Ulyamaev T.R.* 2011. Aleksandr Sever i Aleksandr Velikiy: literaturnaya fiktsiya i istoricheskaya real’nost’ // Antiquitas Iuventae: Sb. nauch. tr. studentov i aspirantov. Saratov. S. 160–167].
- Babelon E.* 1885. Description historique et chronologique des monnaies de la république romaine. T. 1. Paris; Londres.
- Balsdon J.P.V.D.* 1950. Rev.: Gelzer M. Pompeius // Historia. Bd. 1/2. S. 296–300.
- Beard M.* 2007. The Roman Triumph. Cambr.
- Broughton T.R.S.* 1986. The magistrates of the Roman Republic. Vol. 2, 3. Atlanta, Georgia.
- Christ K.* 1979. Krise und Untergang der Römischen Republik. Darmstadt.
- Crawford M.* 1974. Roman Republican coinage. Vol. 1, 2. Cambr.
- Dahlheim W.* 2000. Gnaeus Pompeius Magnus – “immer der erste zu sein und die anderen überragend” // Von Romulus zu Augustus. Große Gestalten der römischen Republik / Hölkeskamp K.-J. (hrsg.). München.
- Dumézil G.* 1974. La religion romaine archaïque. Paris.
- Ehlers W.* 1939. Triumphus // RE. Zweite Reihe. Hbd. 13. Sp. 493–511.
- Gelzer M.* 1984. Pompeius. Lebensbild eines Romers. Stuttgart.
- Greenhalgh P.* 1980. Pompey. The Roman Alexander. L.
- Grueber H.A.* 1910. Coins of the Roman Republic in the British Museum. Vol. 2. L.
- Isager J.* 1993. Alexander the Great in Roman Literature from Pompey to Vespasian // Alexander the Great: reality and myth / J. Carlsen et al. (eds.). Roma. P. 75–84.
- Jourdain-Annequin C.* 1989. Héraclès aux portes du soir. Mythe et Histoire. Paris.
- Latte K.* 1960. Römische Religionsgeschichte. München.

- Mader G.J.* 2006. Triumphal Elephants and Political Circus at Plutarch, Pomp. 14.6 // *CW*. Vol. 99/4. P. 397–403.
- McGushin P.* 1994. Commentary // *Sallust. The History* / P. McGushin (transl., introd., comm.). Vol. 2. Oxf.
- Michel D.* 1967. Alexander als Vorbild für Pompeius, Caesar und Marcus Antonius. *Archäologische Untersuchungen*. Bruxelles.
- Münzer F.* 1900. Faustus Cornelius Sulla // *RE*. Hbd. 7. Sp. 1515–1517.
- Nadell J.B.* 1959. Alexander and Romans. Diss. Ann Arbor.
- Pérez C.* 1986. Monnaie du pouvoir, pouvoir de la monnaie: Une pratique discursive originale le discours figuratif monétaire (1er s. av. J.-C. 14 ap. J.-C.). Paris.
- Picard G.Ch.* 1957. Les trophées romains. Contribution à l'histoire de la Religion et de l'art triumpfal de Rome. Paris.
- Rawson B.* 1970. Pompey and Hercules // *Antichthon*. Vol. 4. P. 30–37.
- Seager R.* 2002. Pompey: A political biography. Oxf.
- Southern P.* 2002. Pompey the Great. Charleston.
- Sydenham E.A.* 1952. The coinage of the Roman Republic. L.
- Valverde L.A.* 2001. Inscripciones honorificas dedicadas a Pompeyo Magno // *Faventia*. Vol. 23/1. P. 87–102.
- Van Ooteghem J.* 1954. Pompée le Grand, bâtisseur d'empire. Namur.
- Warren L.B.* 1970. Roman Triumphs and Etruscan Kings: The Changing Face of the Triumph // *JRS*. 1970. Vol. 60. P. 49–66.
- Weippert O.* 1972. Alexander-Imitatio und Römoische Politik in Republikanischer Zeit. Augsburg.

Поступила в редакцию / Received 05.09.2025.

Принята к публикации / Accepted 28.09.2025.

Опубликована / Published 18.12.2025.

Рис. 1. Денарий Фавста Корнелия Суллы (RRC 426/4b).
По: <https://numismatics.org/collection/1944.100.2621>

Рис. 2. Дидрахма (RRC 20).
По: <https://numismatics.org/collection/1944.100.15>

Рис. 3. Двойная литра (RRC 27/3).
По: <https://ikmk.smb.museum/object?id=18214696>

Рис. 4. Квадранс (RRC 39).
По: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b104210640>